

Пролегомены ко всякому будущему доказательству бытия внешнего мира

Иллюстрации Анастасии Сукальской, Ксении Сайфулиной,
Маргариты Извариной и Ивана Фомина

...строго проведенный солипсизм
совпадает с чистым реализмом
Людвиг Витгенштейн

Философия — дама спокойная, к скандалам не склонная. Другое дело — ее кавалеры: им часто хочется посоветовать хорошего врача-врателя нервов. Но все же как минимум один скандал философия устроила: она решила выяснить, что же является истинным, а что — ложным. В поисках какого-то критерия, Философия разделила сущее на два полюса: сознание и бытие. С сознанием она связала достоверность, а с бытием — объективность. Но это еще более осложнило задачу обоснования знания, потому что теперь стало потребно доказательство существования бытия (или внешнего сознанию мира), чтобы субъективная достоверность сознания могла называться объективно значимой, или наукой. Тогда-то и разразился подлинный скандал. Сегодня эта проблема представляет собой узел самых разных вопросов: можно ли опровергнуть солипсизм, является ли идеализм совместимым

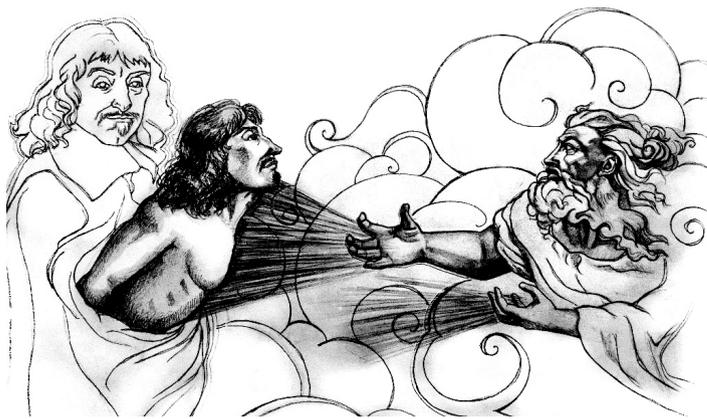
с нашими обыденными убеждениями, можно ли придумать ответ радикальному скептицизму, в каком смысле мы можем говорить о «внешнем» и «внутреннем», существует ли предельное обоснование знания, какую роль оно могло бы играть, если бы существовало, и даже можем ли мы жить в «Матрице»? Но началось все с Бога.

Задача артистов

В Средние века философия изучалась как на теологических факультетах, так и на факультетах искусств. *Artistae*, преподаватели факультетов искусств, занимались логикой и метафизикой, в том числе подробнейшим образом комментировали работы Аристотеля. Они обнаружили, что во многих местах христианское вероучение противоречит учению грека. Так, например, Аристотель доказывает, что все, что движется, движет что-то и само движимо чем-то. Это означает, что Бог в лучшем случае может быть назван первой причиной в этом ряду причин. Но если Он — только Первая причина, то Он не сможет далее вмешиваться в ход событий. Но как тогда быть

с Его всемогуществом, в котором *artista* не сомневались? Чтобы решить эту проблему, не уменьшая объяснительную силу каузальной модели, предложенной Аристотелем, и не обидеть теологию, философы создали различие между обустраивающим (*potentia ordinata*) и абсолютным (*potentia absoluta*) могуществами Бога. С помощью первого могущества Бог сотворил мир и установил в нем физические законы, коим Сам следует. Но иногда Он Своей волей приостанавливает действие этих законов (это люди называют чудом). Правда, абсолютное могущество ограничено законами логики, которыми даже Творец не может пренебрегать. Так, он не может создать камень черным и нечерным в один и тот же момент. Это решение может показаться излишне формальным, но именно оно открыло врата плодотворному мыслительному экспериментированию высокого и позднего Средневековья. Оно лежит в основе метода *secundum imaginationem* (согласно воображению), который активно развивался начиная с конца XIII века. Рассматривая какую-то ситуацию, мы допускаем, что нечто выпадает из общей каузальной истории (например, вода — не H_2O , а XYZ, как в эксперименте нашего современника Хилари Патнэма «Двойник Земли», который мы рассматривали в прошлом номере), а затем смотрим, что будет дальше, исходя из знаний законов физики и логики. Мы не можем снова предполагать действие *potentia absoluta* и не можем нарушать законы тождества и исключенного третьего. Целым рядом схоластов уже XVII века (Педро Уртадо де Мендоса, Томас Комптон Карлтон, Хосе де Агилар, Родриго де Арриага и многие другие) метод *secundum imaginationem* был использован для изучения вопроса, может ли Бог вложить в интеллект мысль, которая не была произведена этим интеллектом. Это легко допустить. Правда, это сильно удивит вас: вдруг подумалось, скажем, о Венере. Такая мысль не будет причинно связана с вашими прошлыми мыслями. А вот в бревно Бог мысль вложить не может, так как для мысли нужен подходящий носитель (нечто похожее имеет в виду Джон Серл, когда говорит о невозможности сильного искусственного интеллекта, о чем смотри ФК №8). А если Бог изменит бытие бревна на подходящее, то он вложит мысль уже не в бревно, а во что-то иное. Иначе нечто будет одновременно бревном и не-бревном, а это противоречие. Выходит, даже *potentia absoluta* не может сотворить Буратино без того, чтобы полностью не изменить природу полена. Если Бог может вложить мне в голову любую мысль, то почему он не может сделать этого для нескольких мыслей? То же справедливо и для чувств. Но тогда как мы можем быть уверены, что Бог не вложил нам в голову все имею-

щиеся там мысли и чувства, за которыми на самом деле не стоят внешние объекты? Это может заставить нас серьезно усомниться в наших знаниях о внешнем мире. Впрочем, не только возможность «пересадки» мыслей приводит к скептицизму. Так, философ конца XIII века Петр Иоанн Оливи попытался показать, что допущение любых способов к репрезентации (к отражению, как сказали бы советские философы) сущностей, стоящих между интеллектом и миром, приводит к скептицизму, ведь мы никогда не можем быть уверены, что какой-то одной идее или всей совокупности идей что-то соответствует.

Решение Декарта

Как выбраться из этой западни? Для этого нужно найти такую мысль, в которой даже Бог не может заставить нас усомниться. Ее и нашел Рене Декарт. Существует ли сомнение в тот момент, когда я сомневаюсь? Конечно. И ничто не может убедить меня в обратном. Значит, как минимум сомнение существует точно, и даже *potentia absoluta* ничего не может с этим сделать. Но сомнение есть модус мышления, а мышление всегда предполагает некое «Я». Я мыслю, значит, я существую. Однако я сомневаюсь, следовательно, сознаю, что мне чего-то не хватает, следовательно, у меня есть идея несовершенства. Но она логически предполагает идею совершенства. Может ли несовершенное мое Я порождать идею совершенства? Нет, так как причина должна содержать в себе больше или столько же реальности, сколько и ее действие. Это можно понять на примере механики: если не действуют другие силы, то камень будет лететь с тем ускорением, которое я

ему придал. Масса камня способна только уменьшить, но никак не увеличить его. Поэтому ничто несовершенное не может породить совершенство, а значит, ни я, ни внешний мир (о котором мы вообще еще ничего не знаем) не могут быть причинами этой идеи. Остается только один вариант — Бог. А если Бог существует и Он благ (а это часть идеи совершенства), то он нас не обманывает. Значит, за нашими идеями по большей части стоят реальные вещи.

Возражение Беркли

Все это хорошо, кроме, пожалуй, последнего шага. Благой Бог не стал бы обманывать нас относительно наших идей. Но должны ли для этого наши идеи отражать какие-то вещи? Разве недостаточно Бога, нас самих и наших идей? Именно так думал Джордж Беркли. Мы просто не можем представить себе «вещь саму по себе», ведь сам акт представления «привязывает» представленное к нам, делает его идеей, а не вещью. Можно сказать, что когда мы говорим о чем-то внешнем, то говорим о том общем, что мы можем абстрагировать из всех наших идей о внешнем мире. Но что это? Мы просто не можем себе это представить, как не можем представить себе никакого «человека» вообще или «треугольника» вообще, а всегда представляем конкретного человека и конкретный треугольник. Значит, никакого внешнего мира нет, и не надо, а существовать для чувственных вещей — значит быть воспринимаемыми. Каждый может испытать тут силу своего воображения и почувствовать убедительность слов Беркли.

Теорема Канта

Кант тоже не мог представить «треугольник вообще» или «человека вообще». Но не считал, что из этого следует, что внешних сознанию вещей не существует. В конце концов, «материя», «треугольник», «человек» — это не конкретные вещи, а понятия, схемы, «правила сборки» конкретных треугольников, людей и вещей. Не соглашался Кант с Беркли и по поводу пространства. Великий ирландец полагал, что пространство — это отношение между идеями, и без идей нет никакого пространства, как и нет «человека вообще» без людей. Но на самом деле, считал Кант, пространство не есть эмпирическое понятие,

выводимое из опыта. Мы легко (и это отличает случай «пространства» от случая «человека вообще», который есть понятие, а не форма созерцания) можем представить себе пустое пространство, без вещей. Кроме того, если бы пространство было отношением идей, то мы имели бы много разных пространств, неподобных друг другу, а мы, как уже сказано, можем представить себе только одно отдельное от вещей пространство. И именно этим пространством занимается евклидова геометрия, которую мы считаем точной наукой, положения которой действительны без всякого отношения к опыту, и при этом они увеличивают наше знание. Все это указывает на то, что пространство есть необходимая форма внешних созерцаний, а Беркли не прав. Но все это не решает задачи, поставленной схоластами и Декартом.

Нельзя ли иначе, чем Декарт, перейти от достоверности сознания к доказательству внешнего мира? Хорошо бы при этом миновать Бога, так как Кант полагал, что он опроверг теоретические доказательства Его бытия. Кант

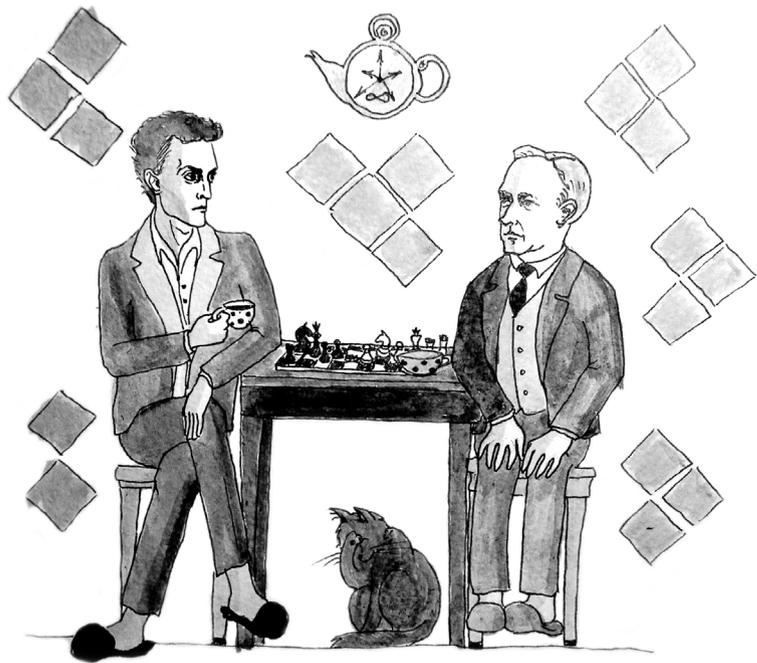
сформулировал свое решение проблемы внешнего мира в виде теоремы и назвал ее «Опровержение идеализма». Я сознаю себя существующим. Моя внутренняя жизнь — это структурированный поток различных идей. Но поток, как и любое изменение, требует какой-то точки отсчета. А значит, вне меня есть что-то неизменное, и это — вещи. Важно отметить, что эта теорема направлена исключительно на те вещи, которые могут стать предметами нашего опыта, на феномены, а не на вещи в себе.

Доказательство Мура

Предложенный Кантом аргумент многим не нравится. Он слишком зависит от неочевидно жесткого разделения на пространство и время, чувственность и рассудок, материю и форму и т.д. Можно ли провести подобное доказательство, не опираясь ни на другие кантовские идеи, ни на сомнительные доводы в пользу бытия Бога? «У меня сколько угодно таких доказательств!» — заявил в 1939 году кембриджский философ Джордж Эдвард Мур в лекции, обращенной к Британской академии и посвященной уходу этого знаменитого реалиста с поста профессора. Рассмотрим, рассуждает Мур, следующий довод. Я знаю, что у меня есть руки, что они находятся вне моего сознания и расположены в пространстве. Если я знаю X, то X существует. Следовательно, у меня есть руки. Следовательно, внешний мир существует. Это совершенно верное рассуждение, так как посылки в нем отличаются от заключения, при этом и то, и другое истинно. Значит, имеет место следование.

Есть множество трудностей в понимании такого аргумента, он и правда выглядит как какой-то трюк. Но мне кажется, что это самый тонкий из рассмотренных тут доводов. Возражают, например, так: каков статус посылки? Если посылка «существуют руки» и заключение «существуют руки», то никакого вывода нет, это просто тавтология. Если посылка — сами поднятые руки, то это не тавтология, но и не вывод, ведь речь идет не о суждении, а о положении дел, а из положений дел суждения не следуют. Но этот контрдовод основан на непонимании. Посылка у Мура — «Я знаю, что существуют руки», а заключение — «Существуют руки».

Иногда сетуют (например, Джон Серл в интервью, опубликованном в прошлом ФК), что Мур слишком сильно полагался на здравый смысл и обыденное словоупотребление, считая все, что они предоставляют, истинным.

Однако такую позицию просто невозможно подтвердить текстами Мура, скорее мы найдем множество подтверждений обратного.

Последователи Витгенштейна (коих немало на отечественных философских факультетах) считают, что Мур неверно употребляет слово «знаю». Его, говорят они, можно использовать тогда и только тогда, когда имеет смысл сомневаться. Знание есть там, где есть возможность усомниться. Но Мур в ответ согласится с тем, что он легко мог бы ошибаться. Вдруг это какой-то фокус (вроде иллюзии резиновой руки). Или, напротив, представим себе человека с синдромом чужой руки, который говорит: «это моя рука». Убежден, что он будет испытывать сильные сомнения, и все же будет прав.

Есть еще более тонкие аргументы, приводимые любителями философии Мартина Хайдеггера. В 1927 году этот именитый философ опубликовал трактат «Бытие и время», в котором среди прочего объявил, что скандал состоит не в том, что доказательства бытия внешнего мира еще не представлено или что представленные доказательства плохи, а в том, что такого рода доказательство еще кто-то требует. Все дело в том, что философы Нового времени, такие как Декарт, совершили ошибку, придумав «сознание» и «мир» как две отдельные сущности. Если мы верно, считает Хайдеггер, продумаем то, что скрывают за сло-

вом «сознание», то увидим, что речь идет о присутствии (Dasein), которое всегда уже находится в мире (ему же нужно где-то присутствовать). Впрочем, иногда говорят, что Мур согласился бы с этим рассуждением, просто выразил бы его на другом языке (так, теория истины раннего Мура и концепция истины как события Хайдеггера очень похожи). Однако не просто утверждать что-то определенное, когда речь идет о двух туманных философах, один из которых создал собственный язык, чтобы излагать свои соображения, а другой всю карьеру писал противоречащие друг другу статьи в журналы, словари и сборники. Но все же Хайдеггер не отрицает бытия вещей и не отрицает особого статуса присутствия. А Мур вовсе не считает, что сознание находится где-то за пределами мира.

Слово Стросона

Как мы уже видели на примере Мура, не все философы прислушались к предостережениям Хайдеггера, и новые доказательства продолжают изобретаться. Отличился на этом поприще крупный кантовед и создатель дескриптивной метафизики сэр Питер Стросон. Люди, которые желают «помирить» аналитических философов с автором «Бытия и времени», часто сравнивают Стросона и Хайдеггера как на почве их кантоведческих занятий, так и на материале созданных ими феноменологий. Их действительно кое-что объединяет: например, желание пройти между скептическими и антискептическими позициями, глубокая консервативность и желание провести ревизию во всем столетиями накопленном философском хозяйстве. Стросон даже иногда упоминает Хайдеггера (например, в книжке «Scepticism and Naturalism» ссылается именно на тот фрагмент, который мы обсуждали выше). Иногда даже говорят, что Стросон противопоставляет Хайдеггера и Мура, отдавая свои симпатии первому (впрочем, описание аргумента Мура у Стросона страдает некоторыми неточностями, в том числе и теми, о которых говорилось выше). Однако Стросон предлагает доказательство объективного внешнего мира и называет его трансцендентальным, т.е. объясняющим условие возможности опыта внешнего мира.

У нас есть довольно успешная коммуникация между людьми. Коммуникация эта имеет структуру, которую Стросон называет концептуальной схемой. Наша концептуальная схема такова, что включает в себя правильную идентификацию объектов, о которых мы говорим. А зна-

чит, внешние вещи существуют.

Проиллюстрируем это примером. Чтобы бармен понял ваше «вон тот виски, 100, без льда», нужно, чтобы в мире, общем для вас и бармена, существовали виски и лед. Беркли, правда, заверит нас, что виски не обязательно должен быть материальным объектом, он может быть идеей. Но если, как мы это уже сделали вместе с Кантом, поставить под сомнение теоретическую ценность теистического тезиса, то Беркли вряд ли сможет объяснить случай с виски так, как мы понимаем его в обыденной жизни (а это важно для Беркли, старавшегося всюду сохранить интуиции здравого смысла). В самом деле, существование виски зависит от вашего восприятия и восприятия бармена. Что гарантирует, что то, что вы спрашиваете, он вам и дает (а именно этого мы обычно желаем)? Бог. Но теперь допустим, что Бога нет или Он не обладает никаким восприятием. Это значит, что виски существуют как виски только в ваших с барменом головах. Но если вы отвлеклись, а бармен, как профессионал, налил не глядя и, налив, отвернулся, то в этот миг виски не существовал, и ничто не гарантирует, что в тот миг, когда вы откроете глаза, вы снова увидите тот же напиток. А именно о таком тождестве и говорит концептуальная схема, которая стоит за вашим с барменом разговором.

Выход Патнэма

Не менее заслуживающий рассмотрения аргумент был создан Хилари Патнэмом, другим аналитическим философом. Он рисует ситуацию, близкую к технологическим антиутопиям 90-х. Представьте, что все, что вас окружает, есть компьютерная симуляция. На самом деле (таково наше предположение) вы являетесь мозгами в бочке и всегда таковыми были. История Вселенной сложилась так, что в ней появился только компьютер с программой вроде «Матрицы», ваш мозг и провода, которые соединяют их. По проводам идут импульсы, идентичные тем, что ваш мозг мог бы получать, будь он на самом деле в теле. Так, когда вы, мозг в теле, видите кролика, мозг получает некий сигнал от органов чувств. В мире Патнэма компьютер посылает в вас, в мозги в бочке, идентичный сигнал, и вы думаете, что видите кролика. Психологическое и физическое состояния мозгов в бочке и мозгов в теле совершенно идентичны. И теперь допустим, что такой мозг в бочке, у которого есть точно такая же наука и философия, которые у него были бы, будь он мозгом в теле, говорит:

«Я — мозг в бочке». Что значит эта его фраза?

Тут Патнэм опирается на свою каузальную теорию референции (мы обсуждали ее в прошлом номере). Термин «мозг в бочке» отсылает (реферирует) к конкретному объекту в мире, и этот объект — мозг в бочке. За этой референцией должна стоять некая история и некое сообщество экспертов, которые обладают компетенцией решать, верно ли установлена референция или нет (это Патнэм называет лингвистическим разделением труда). От референции зависит истинность суждений. Но в нашем случае мозг в бочке никогда не видел себя как мозг в бочке, никогда не имел никаких ощущений того мира, в котором есть только он, провода и компьютер. Все, что он имел в качестве ощущения, — это симуляции, созданные компьютером. В лучшем случае, мы можем считать, что используемые им слова отсылают к его нейронным импульсам, но никак не к объектам «внешнего мира». Нет никакого экспертного сообщества, которое могло бы помочь мозгу в бочке. Поэтому он просто неверно устанавливает референцию, а значит, это суждение ложно даже несмотря на то, что он действительно является мозгом в бочке. Поэтому такая гипотеза будет ложна в любом случае. Даже если мы мозги в бочке, то никогда не сможем сделать истинное суждение об этом. Что и говорить — перспектива печальная, а «Матрица», оказывается, куда хитрее, чем это казалось самым искушенным фантастам.

Практика Ленина

Не могли мы совсем обойти стороной и старое марксистско-ленинское доказательство внешнего мира. Чтобы объяснить его, давайте посмотрим, какие позиции мы вообще можем занимать по отношению к внешнему миру. Мы можем быть идеалистами, скептиками или материалистами. Идеалистом быть нельзя, это противоречит данным науки, которая учит нас, что Земля и космос существовали и до появления первого существа, способного к восприятию. Если идеалист возразит, что наука имеет довольно опосредованное отношение к истине, что это просто полезная связь идей, то материалист ответит ему, что если на основании какой-то теории можно какой-то элемент природы искусственно создать в лаборатории, то в этой теории явно есть что-то истинное. Хорошо, идеалистом быть нельзя. Но, может быть, мы могли бы продолжать сомневаться? Наверное, могли бы — но зачем? вспомните, сначала мы хотели обосновать знание, найти

критерий различия истины и лжи и (благодаря Декарту) нашли его в сомнении. Но сомнение завело нас в тупик: строго придерживаясь его, мы не можем ни доказать существование Бога, ни доказать существование внешних вещей. Значит, либо подобный критерий вообще не может быть найден, и истина сольется с ложью, либо нужно отказаться от несомненности как критерия. Марксизм предлагает принять в качестве критерия истины успешную практику. Почему бы и нет, в самом деле?

Текст написан по результатам ФК-семинаров в 2015 году при участии Артема Юнусова, Андрея Мерцалова, Юлии Чугайновой, Евгения Логинова, Анны Давыдовой, Кирилла Крюкова, Александра Басова, Заура Кокоева и др. Мы также благодарим Г.В. Вдовину и А.П. Беседина за знания, которые мы приобрели на их занятиях.

